

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА» ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА ФРИДРИХА ГЕГЕЛЯ: ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

В статье рассматриваются основные идеи первого крупного гегелевского труда, сыгравшего огромную роль как в складывании философской системы самого Гегеля, так и в развитии всей мировой философской мысли. С помощью анализа «феноменологического» знания Гегель обосновал свой тезис о том, что самой глубокой основой сущего является Абсолютная Идея, развивающаяся по принципу триады: тезис, антитезис и синтез.

Многие историки философии отмечали в своих трудах совпадение, казавшееся им удивительным. 13 октября 1806 года – в ночь великой битвы при Иене, данной и выигранной Наполеоном Бонапартом, – там же, в Иене, Георг Вильгельм Фридрих Гегель закончил рукопись «Феноменологии духа» – своего величайшего произведения, принесшего ему широкую известность. Именно тогда Гегель увидел Наполеона, который «восседавая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» (1). Неслучайно философ назвал императора «мировая душа» (Weltseele).

Совпадение, действительно, интересное, но не такое уж удивительное. Удивляться, скорее, приходится времени, в которое жили и творили не только Наполеон и Гегель, но и такие составившие эпоху в развитии немецкой и мировой культуры люди, как Гёте, Шиллер, Гердер, Лафатер, Виланд, Клопшток, Кант, Фихте, Шеллинг, Гельдерлин, Жан-Поль, Карус, Новалис, Гофман, Brentano, Моцарт, Бетховен, Шуберт и – в удвоенном качестве – братья: Шлегели, Гумбольдты, Гримм. Причем здесь мы назвали только немцев, но восемнадцатое столетие в целом было временем удивительных человеческих судеб. В неподвижном на первый взгляд мире словесного деления, тщательно сконструированных и выверенных иерархических ступеней, жестких правил регламентации материальной и духовной жизни порядок неожиданно был нарушен. Люди без генеалогии, не могущие похвастаться ни гербом, ни богатством, какие-то юнцы, невесты как попавшие в европейские столицы, оказались вознесенными на вершины общественной иерархии, стали за какие-то два-три года властителями дум тысяч людей разных национальностей.

Недаром Гёте говорил: «Мне очень повезло, что я родился в то время, когда при-

шла пора величайших мировых событий, продолжавшихся в течение всей моей долгой жизни, так что я был свидетелем Семилетней войны, далее отпадения Америки от Англии, затем Французской революции и, наконец, всей наполеоновской эпопеи вплоть до крушения и гибели ее героя, а также многих последующих событий. Потому я пришел к совсем другим выводам и убеждениям, чем могут прийти родившиеся позднее, которым приходится усваивать эти великие события по книгам, им не понятным» (2).

Веками установившиеся каноны, нормы и традиции пересматривались и опровергались. Распространялась эйфория, что, дескать, человек может все, даже построить рай на земле. В воздухе той эпохи действительно витало предчувствие чего-то нового. Стремительное вознесение имени, еще вчера безвестного, а ныне заставившего всех говорить о нем, – типичная примета мира, шедшего навстречу изменениям и потрясениям. Каждый поступал в это время так, как будто бы именно с него начиналась новая эпоха.

Да, прошло двести лет с написания Гегелем «Феноменологии духа», но актуальность этого труда не слабеет с годами. Карл Маркс был совершенно прав, когда назвал этот труд «истинным истоком и тайной гегелевской философии» (3). Чем же близок Гегель нам, людям нарождающегося двадцать первого века, и чем идеи, содержащиеся в его первом эпохальном труде, могут помочь современному человечеству? Ведь сам Гегель отмечал, что о немецких философах говорят, как о глубоких, но туманных мыслителях. От Канта ведет свое происхождение тот предрассудок, согласно которому нельзя быть хорошим философом, если пишешь хорошо и понятно. Действительно, представители немецкой философской классики, исследуя фунда-

ментальные вопросы бытия, внутреннюю деятельность субъекта и его способности, окончательно покинули популярный уровень изложения философии. В связи с этим Г.В.Ф. Гегель пишет: «Вплоть до появления кантовской философии публика еще шла в ногу с философией; до появления кантовского философского учения философия возбуждала к себе всеобщий интерес. Она была доступна, и ее желали знать; знание ее входило вообще в представление об образованном человеке. Ею поэтому занимались практики, государственные люди. Теперь, когда выступил путаный идеализм кантовской философии, у них опускаются крылья. Таким образом, уже с выступлением Канта положено было начало этому отделению от обычного способа сознания» (4).

Гегель в какой-то мере приветствует тот факт, что философия стала занятием для «профессионалов». Но, с другой стороны, он понимает, что такая философия во многом обречена на неуспех. Недаром он замечает, что Фихте не удалось «принудить читателя к пониманию», несмотря на все его героические попытки. С одной стороны, серьезная наука трудно поддается популяризации, ибо приходится жертвовать сначала научной формой ради простоты изложения, а затем – ради простоты восприятия – и самим содержанием. С другой стороны, сухость изложения отнюдь не является определяющей, имманентной чертой научного трактата. Недаром Рене Декарт мечтал о том, чтобы его книги читали «как роман». Он надеялся изложить свою систему так, чтобы «ее могли читать в послеобеденное время».

И даже Гегель порой поэтичен, особенно когда он увлекается и начинает сыпать метафорами. Например, вот как он описывает «несчастное сознание» – плод ложного благочестия и ханжески понимаемого христианства: «Его мышление как благоговение остается диссонирующим перезвоном колоколов или теплыми клубами тумана, музыкальным мышлением, не доходящим до понятия» (5). В своих лекциях по истории философии он красочно и ярко говорит о том пути, который прошел в философии Мировой Дух: «О нем можно сказать так, как Гамлет о духе своего отца: «Хорошо работаешь, честный крот», – и эта работа продолжается

до тех пор, пока он, окрепши в себе, не окажется теперь в состоянии толкнуть земную кору, чтобы она раздалась и перестала отделять его от его солнца, его понятия. В такое время, когда она рухнет, подобно бездушному подгнившему зданию, дух являет себя в новой юности, он надел на себя сапоги-скороходы» (6). Ведь Гегель был тонким знатком и ценителем как древнегреческой, так и современной ему поэзии. Философ, считал Гегель, подобно поэту, должен обладать эстетическим даром, ведь философия – «снятая» поэзия, перешедшая в формы чистого спекулятивного мышления и обретшая сухой язык силлогизмов, категорий и понятий.

Все же поэзия в философии – скорее исключение, чем правило. И, тем не менее, именно в «Феноменологии духа», являющейся первым крупным философским творением мыслителя, много своеобразной поэзии мысли. Сам Гегель назвал этот труд «путешествием за открытиями». В сущности, эта книга была посвящена двум главным вопросам: духовному развитию индивида и закономерно сменяющимся друг друга ступеням развития Духа через философию истории, от античного полиса до Французской революции. Гегель заимствует у Аристотеля представление о Мировом Разуме – Духе, который мыслит сам себя и за пределами Космосу. Результат развития не может быть понят без его истории. Как пишет Гегель, «голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию» (7). Поэтому феноменология рассматривает генезис философского знания.

Сам термин «феноменология» использовали И.К. Ламберт, И. Кант, К.Л. Рейнгольд. Происходит это понятие от греческого слова «проявляющееся, являющееся» и означает, соответственно, «науку о явлениях и проявлениях». Гегель взялся рассмотреть проявления самого Духа на различных этапах. Дух, начиная с эмпирического познания, поднимается шаг за шагом на все более высокие уровни. Для Гегеля феноменология – наука о Духе, который проявляется в форме как определенного бытия, так и бытия множественного и который достигает Абсолютного Знания через ряд последовательных воплощений (фигур), являющихся диалектически связанными между собой.

Во введении Гегель говорит, что феноменология должна была изначально представлять лишь наставление, воспитующее и ведущее алкающего истины вверх, к духовным вершинам. Это – «путь естественного сознания, стремящегося к действительному знанию». Для преодоления этого пути Гегель предлагает метафору – «семимильные пятыйные сапоги», которая заставляет вспомнить о волшебном плаще-самолете, на котором Мефистофель уносит Фауста в странствие по «малому» и «большому свету». Действительно, весь ход планомерно и педантично развертываемого субъект-объектного отношения имеет цель отнюдь не меньшую, чем гётевское стремление «познать самого себя в прекрасном чувстве».

Гегель начинает с критики понимания Абсолютной идеи, которое обнаруживают Фихте и Шеллинг. Гегель не признает понимание Абсолюта, то есть Истины, как Субстанции, но рассматривает ее как Субъект, то есть как саморазвитие. Абсолют – это отнюдь не нечто данное раз и навсегда, не предмет чувственной достоверности наподобие Спинозовской Субстанции. Абсолют – это движение «к наличному бытию», в процессе которого самореализуется и выявляется Субъект. Абсолют – это Сущее, которое саморазвивается благодаря «посредничеству между становлением своей собственной противоположности и самим собой». Конечная цель этого движения, этого саморазвития – познание Абсолютной Истины. Идея в процессе своего поступательного развития порождает окружающую действительность, являющуюся конечной. Когда бытие и ничто переходят друг в друга, то требуется «посредник», а именно – процесс снятия отрицания. Духовное развитие индивида воспроизводит стадии самопознания Мирового Духа. Поэтому феноменология понимается Гегелем как учение о становлении философии. Для него она является историческим исследованием форм сознания и его становления, образования Истины в ее целостности, рассматриваемой как процесс и итог законченного развития от простого чувственного опыта до философского мышления и абсолютного знания. Поэтому Гегель разделил свой труд на три большие части, в которых последовательно решил следующие задачи:

1) изучил сознание в качестве знания о предмете как внешней данности. Сознание оказывается знанием чувственной достоверности, восприятием и рассудком;

2) рассмотрел ступень самопознания, когда сознание определяет свой предмет – самое себя;

3) представил на ступени разума внутренний наблюдающий разум и внешнее разумное содержание мира.

Итак, все проистекает из опыта чувственной достоверности. Восприятие имеет своим объектом предмет, обладающий разнообразными свойствами. Соль – простой предмет, находящийся здесь, при этом она белая, обладает специфическими вкусовыми свойствами, имеет определенный вес. Все эти свойства сами по себе – простые. При восприятии воспринимаемый объект выступает одновременно как единство и как множество, ибо воспринимающее сознание различает многочисленные качества предмета и усваивает их, «берет на себя», сохраняя его единство. Объект остается самим собой, но чтобы увидеть его таким, каков он есть в действительности, необходимо сравнить его единство с множеством. Но тогда уже нет простого восприятия, ибо мы думаем о нем, следовательно – это область рассудочной деятельности. Гегель пишет: «Сознание знает, что объект вернулся в себя, через взаимодействие с другими самосознаниями став, таким образом, понятием в себе, вот почему оно не узнает себя в этом отраженном объекте».

Диалектика восприятия как продолжение диалектики чувственной достоверности приводит нас к безусловной всеобщности, вне которой не существует больше множества и наличествует только абсолютная полнота реальности. Безусловная всеобщность является отныне истинным объектом сознания, ибо это уже не ощущения и не восприятия, а понятие (Begriff).

Мыслящий объект является связующим звеном между самой созидательной силой и ее проявлениями. Залог существования этой силы – возможность ее проявления. Но для этого ее нужно вызвать, то есть должна появиться сила побуждения. Имеющееся здесь противоречие можно снять, если принять во внимание, что обе силы, как вызванная, так и вызывающая, являются выражением одной и

той же силы. Скажем, электрический ток имеет две формы выражения: положительный и отрицательный заряды. Разница между этими силами исчезает, а понятие, то есть осознанная нами форма мышления, выступает именно как различие между сознанием и самосознанием и осознает тождество самому себе. Движение это – переход от тождества предмета к различию, а от различия к тождеству – и является понятием, где сознание становится самосознанием. Деятельность рассудка, направленная на предмет, уже является самосознанием, хотя и не сознает этого.

Рассуждая о самосознании, мы попадаем на «родину истины». Сознание вновь обретает себя в подлинной реальности: чувственный мир (феномен) уже не противостоит человеческому сознанию, но является объектом его желаний и устремлений. И объект этот существует, но одновременно и не существует: он существует как условие утверждения самосознания и он не существует, поскольку самосознание ассимилировало его со своей собственной субстанцией, следовательно, отрицает его. Объектом непосредственного желания является «нечто живое». Сущностью Жизни является бесконечность – «бытие, лишённое всех его различий». Жизнь является как чистым движением по кругу, так и состоянием покоя. Гегель так и пишет: «бесконечность, объективно полная беспокойства».

Самосознание имеет смысл лишь при сравнении с другими, в которых оно себя отрицает. Взятые отдельно самосознания противоположны друг другу как посторонние. В конечном итоге какое либо одно берет верх над другими. Соотношение «победа – зависимость», «хозяин – раб» перерастает в закон единства и борьбы противоположностей и приводит к единению самосознаний, которые сливаются в Мировом Разуме через религию. Этот диалектический процесс имеет несколько этапов.

На начальном этапе самосознание («воинствующий дух»), столкнувшись с другим самосознанием, должно уничтожить эту другую сущность. Это уничтожение является противоречием, ибо условием индивидуальности самосознания является его противостояние другим самосознаниям. На следующем этапе вместо уничтожения других самосоз-

наний имеет место подчинение. Чувство хозяина осознается через чувство раба, то есть истинная независимость возможна лишь при одновременном наличии чувства раба.

Далее происходит отрицание взаимозависимости «хозяин – раб». Внутренняя свобода воплощается в философии стоицизма, ибо для стоика безразлично, кем он является в формальном плане – рабом или господином. Подлинная свобода дается осознанием необходимости. Но стоицизм на практике ведет к скептицизму, который увенчивается полным бессилием самосознания. Сознание на этом этапе все еще в тенетах противоречий, поэтому оно – «несчастное сознание». Такое сознание «как раз и проводит опыт индивидуального существования в лоне Мирового Духа и рождения непреложного в лоне индивидуально-существования. С его точки зрения, имеет место индивидуальное существование вообще, связанное с непреложной сущностью, и одновременно свое собственное индивидуальное существование несчастного сознания. Поскольку истина этого процесса как раз и есть бытие одного в этом сдвоенном сознании». Главным противоречием выступает противопоставление изменчивого сознания отдельного человека объективному, незыблемому и непреложному Самосознанию, приносящему Разум в мир.

Во всемирной истории этот раскол человеческого сознания корреспондируется с иудаизмом. Дальше это сознание, стремящееся постичь всеобщность и слить ее с частным, становится христианским. Иудаизм готовит для христианства историческую сцену. Само христианство, достигающее своего апогея в европейском Средневековье, постепенно утрачивает свою силу. Сознание должно начать возврат к миру, примириться с ним. Его отношение, бывшее ранее отрицательным ко всему, что не является им самим, превращается в позитивное, как если бы весь мир «предстал сознанию теперь впервые». Такое примирение с миром происходит путем поиска мирских удовольствий, постоянно уничтожаемого слепой необходимостью. Уничтожение удовольствия ведет к утрате романтических иллюзий. Высшим этапом такого признания мира являются идеалистические системы Канта и Фихте. Самосознание обратилось в Разум.

Далее «Феноменология духа» описывает динамику превращения Самосознания в Разум. Наблюдающий разум соответствует сознанию, познавшему разумное содержание мира, а Деятельный разум соответствует определенным этапам самосознания (покорение и освобождение). Самосознание сворачивается, закрываясь в самом себе, ибо «добродетель побеждена ходом событий в мире». Самосознание приводит к Разуму, где происходит объединение Индивидуальности и Субстанции. В свою очередь, Разум приводит к Духу.

Объективный Дух разворачивается прежде всего в праве, морали и нравственности (гражданское общество, политика, война). Тогда Объективный Дух не ведает Закона Божьего, ибо важны культ предков и семья. Закон человеческий ведет мировой Дух от римских пенатов (домашних очагов) до Римской империи, которая рухнет под натиском индивидуализма. Следовательно, сознание, несчастное по-прежнему, не находит отдыха. Это приводит к новому отрицанию: Дух отчуждается от самого себя, он обретает черты разорванного сознания «мира образованности», отчетливо выразившегося в философии Просвещения. Результатом конфликта является анархия индивидуальных интересов и страстей, которая возвращает сознание в первоначальное состояние. У Гегеля, как у современника событий, перед глазами стояли кровавые бесчинства Французской революции, которая явилась негативным выражением абсолютной свободы. «Свобода и ужас» – так Гегель назвал раздел, посвященный анализу таких выступающих на сцене духа форм сознания, которые рассматривают свободу как ничем не ограниченную. Результат этой свободы – абсолютный ужас.

Дух становится достоверным для себя в религии – «самосознании духа». В естественной религии Дух обретает внешнюю форму сразу же, он является творцом (Werkmeister): «...то действие, с помощью которого Дух воплощает себя, в качестве выражения духовной реальности мира, еще не осознав самого себя, это – вид инстинктивной работы, наподобие работы пчел, изготовляющих свои сотовые ячейки».

Гегель рассматривает другую форму религии – художественную. Дух не обретает

внешнюю форму немедленно, но он определяет свое отношение в выработанной им самим форме, скажем, религии древних греков. Отметим, что с годами интерес Гегеля к греческому миру будет возрастать, и это непосредственно скажется на его теоретических обобщениях. В Греции рождаются художественные образы божеств, культы, гимны. Именно в век героических деяний человек постигает свою всеобщность. Первая община является объединением индивидуальностей, которые осознанно принимают участие в выработке воли социальной общности и ее действиях, а не подчиняются «абстрактной мысли», то есть внешнему приказу. Древнегреческое искусство как художественная религия сыграло свою формообразующую роль, воплотив дух из формы Субстанции в форму Субъекта.

Третьей формой религии является религия Откровения, учреждающая единство между человеческим индивидуальным сознанием и сознанием Мирового Духа (Бог, обретший форму человека). Диалектика понятийного спекулятивного мышления сходна с христианскими тезисами. Царство Бога-Отца: знание является первоначально чистой мыслью. Царство Бога-Сына: мысль является бытием. Царство Духа Святого: знание является принципом отрицания, свойственным бытию, когда «я» реализуется одновременно как сознание изменчивое и как сознание непреложное. Во Вселенской Церкви все самодовлеющие индивиды соединяются в сверхиндивидуальной целостности.

На формирование мировоззрения Гегеля глубоко повлияла немецкая литературная классика в целом и творчество Гёте в частности. Гегель был благодарен Гёте за те новые перспективы философского мышления, которые открыло ему творчество великого поэта и мыслителя. Ни Гегель, ни Гёте не подозревали, что между ними существует отдаленное кровное родство: некто Иоганн Лаук, бургомистр Франкенберга, живший в XVI веке, был их общим предком. Неоднократно в литературе говорилось о связи гётевского «Фауста» и «Феноменологии духа». Э. Блох в своем «Тюбингенском введении в философию» размышляет об этом так: «...Фаустовский мотив, вырастающий на основе силы и ее масштабов, продуктивно и

последовательно проведен только у Гёте. Точно так же, как есть только одно философское произведение, которое с самого начала, с настойчивого введения мотива путешествия по миру эквивалентно «Фаусту»: гегелевская «Феноменология духа». Оба произведения разными способами освещают материал древнего предания. Остается только удивляться, что эта близость зачастую остается незамеченной. {...} происходящее в «Фаусте» и «Феноменологии», невзирая на возраст, имеет вещественные связи в едином основании, как в плане построения произведения, так и в плане определенного содержания» (8).

Действительно, метания Фауста в поисках смысла жизни и высшей истины как бы соответствуют блужданиям мирового духа, главного героя «Феноменологии духа», прокладывающего путь к истине. Замысел Гегеля – показать сознание человека и человечества в историческом развитии – грандиозен, но вот само исполнение этого замысла отталкивает современного читателя, ибо уже во многом не отвечает современным научным требованиям. Впрочем, мы уже говорили, что после «Критики чистого разума» у немецких философов возникла своеобразная традиция – не баловать читателей ясностью изложения. Трудность «Феноменологии духа» заключается скорее в тяжеловесном стиле и архаичной лексике, чем в содержании. Как только словарь Гегеля оказывается освоенным читателем, то оказывается, что самая насыщенная смыслом гегелевская фраза означает лишь то, что в ней сказано. Наверное, именно в этом и состоит то поистине колдовское очарование, которое производит текст «Феноменологии духа» при повторном чтении. Отметим, что для русских читателей, не владеющих немецким языком, существуют талантливые переводы этого труда, сделанные Э. Радловым (СПб., 1913) и Г. Шпетом. Последний напечатан в IV томе русскоязычного собрания сочинений философа (М.-Л., 1959) и переиздавался позже.

Интересно отметить и тот факт, что гегелевская «Феноменология духа», превратившая мало кому известного мыслителя в прославленного философа, вышла в свет практически одновременно с романом Гёте «Избирательные сродства». А.В. Михайлов пишет по этому поводу: «Одновременность

двух шедевров – свидетельство тех устремлений, которым придавали ясность формы немецкие классические писатели, показательнейших диалектических процессов, происходивших в литературе... Диалектически построенный универсум – поэтический, но и вместе с тем и философский, – тем более обрекает энергию порыва на краткосрочность взлета и преодоления, что эта универсальность противоречит обычному в немецкой литературе распадению: материал и идея, эмпирия и идеал, низкое и высокое, голое содержание и отрицающая жизнь нигилистическая форма» (9).

Итак, с помощью анализа «являющегося», «феноменологического» знания Гегель обосновал свой тезис о том, что самой глубокой основой сущего является Абсолютная Идея, развивающаяся по принципу триады: тезис, антитезис и синтез. Позже Гегель в своей системе показал, что Абсолютная Идея выступает в трех формах: в виде чистых логических сущностей, в природе, то есть в форме инобытия идеи, и, наконец, в различных формах конкретного духа. Таким образом, явственно вырисовываются три части грандиозной системы Гегеля: логика, философия природы и философия духа. В конце феноменологического становления мы приходим к диалектике истины и заблуждения, которые соединяются в тождество для образования бытия, того чистого бытия, которое станет исходным пунктом размышлений в «Науке логики».

Многие страницы «Феноменологии духа» очень актуальны до сих пор. Взять хотя бы места, посвященные диалектике раба и господина, многократно использованные марксистами, или же пассажи о несчастном сознании, осмысленные в экзистенциализме. Но философским идеям гениев прошлого наша современность не внимлет. Ведь лучшее всегда в меньшинстве. Это известно еще со времен Платона. Постичь мудрость может не всякий. Высшие достижения, в какой бы области они ни проявлялись, никогда не будут поняты большинством. Может быть, отсюда и все наши беды.

Но чтобы изменить печальную ситуацию современности, нужно действовать. Полезно вспомнить гегелевское учение о субъекте как индивидуальной саморазвивающейся систе-

ме, сущность которой состоит в духовной деятельности, порождающей объект. По Гегелю, именно действие является самым ясным и выразительным раскрытием человека. Что человек делает, таков он и есть. «Феноменология духа» отводит человеку не меньшую роль, чем самому Абсолюту. У Гегеля не существует конечного в отрыве от бесконечного, а частного – отдельно от всеобщего. Следовательно, и человек неотделим от Абсолюта, являясь определяющей частью его структуры, ведь гегелевское Бесконечное есть «бесконечно саморазвивающееся посредством конечного». Абсолют же есть «сущее, вечно возвращающееся к себе из инобытия». Гегель видел в человеке необходимое завершение развития идеи.

Да и сама немецкая классическая философия может быть представлена как философия деятельности. Активный субъект познания, переживания, преобразования и творения мира – вот центр немецкой философии. Немецкая классика антропологична в полном смысле этого слова, ибо она признавала подлинным субъектом познания не эмпирическое, конкретное «Я», но некоторый субъект вообще. Этот трансцендентальный субъект лежит в основе всякого индивидуального «Я», но одновременно и выходит за его пределы. Напомним, что по Канту термин «трансцендентальный» характеризует формальные, априорные предпосылки познания (время, пространство, причинность). Термин «трансцендентный» обозначает то, что выходит за пределы возможного опыта (Бог, душа, бессмертие). Кант и Фихте высказали интересное предположение, согласно которому психологический и гносеологический

субъекты необходимо разграничивать. По их мнению, подлинным субъектом познания выступает субъект, соединяющий в себе все индивидуальные субъекты вообще. Следовательно, этот субъект – все человеческое общество в целом.

Нам представляется, что, говоря о духовной деятельности, необходимо акцентировать именно момент формирования человеческой индивидуальности, самости как главной самооценности. В этом плане духовную деятельность можно определить как субъект-субъектное отношение. В основе духовной деятельности лежит процесс сотворения человеком самого себя. Субъект как бы «примиряет» на себя духовные богатства человечества, пропускает через свою душу объективный мир, делая его неотъемлемой частью своего «Я». Субъект осваивает культуру предшествующих поколений, ибо *ex nihilo nihil est*.

Немецкая классическая философия выводила мир культуры из деятельности человеческого духа, который у Гегеля превратился даже в Абсолютный дух. Мыслящий субъект становился, следовательно, основой мироздания. Деятельность людей истолковывалась в целом как деятельность духовная, она фактически отождествлялась с абсолютной. Не случайно на фундаментальные философские вопросы представители немецкой классики отвечали с позиций объективного и субъективного идеализма. Философское дело Гегеля многие исследователи не без основания именуют научным подвигом. Без титанической фигуры Гегеля и сделанных им обобщений западная философия имела бы совершенно другой облик.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Том 2. М., 1971. С. 255.
2. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986. С. 105-106.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 624.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1994. Кн. 3. С. 534 – 535.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. С. 116.
6. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том XI. М.-Л., 1935. С. 514.
7. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. М.-Л., 1959. С. 2.
8. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. С. 99.
9. Михайлов А.В. Стилистическая гармония и классический стиль в немецкой литературе // Его же. Языки культуры. М., 1997. С. 295.